

К идее нового Человечества

I. СТАРОЕ И НОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Великие идеи медленно побеждают, но живут вечно; ничтожные идеи быстро распространяются, но столь же быстро и исчезают. Так некогда для христианства, как и для буддизма, понадобилось несколько столетий, чтоб победить окончательно; зато эти религии, умирающие лишь теперь, жили тысячелетия. Напротив, современный фашизм, эта новая идеология шовинистического партикуляризма, подобно другим только модным течениям (например, в искусстве: футуризм, символизм и др.), в несколько лет разнесся по всему миру; зато не успев даже еще реализоваться, он уже выродился в идеологию простого шовинистического рвачества и международного бандитизма, след за большевизмом еще более снижающую общий тонус всемирно-исторической жизни. Будучи сам в известном отношении побочным порождением мощного мироорганизующего духа новой рождающейся эпохи, он уже от рождения выдался убогим и недоразвитым отпрыском этого нового динамического духа времени, грозя явиться не одной из организующих, а величайшей дезорганизующей силой нашей эпохи.

В истории причины и следствия так сложно переплетаются и противоречиво располагаются друг в отношении друга, что иногда не трудно бывает принять за начало нового то, что является лишь концом старого. Так и в данном вопросе не идея человечества, а идея нации может на первый взгляд показаться последним новейшим словом истории, несмотря на то, что все существование современного мира становится предельно универсалистическим и подлинно планетарным, что древняя великая проблема — как **объединить** людей, в частности, как гармонически примирить их, становится, как никогда, актуальной и настоятельной.

В океане часто поверхностные и преходящие течения скрывают под собой течения более глубинные и длительные, которые направляются нередко в прямо противоположную сторону. Тоже бывает и в океане истории. Именно такая двойственность течений — поверхностно-преходящего и глубинно-длительного — наблюдается в наше время в отношении шовинистического партикуляризма, с одной стороны, и общечеловеческого универсализма, с другой. Больше того. В известном отношении современный тысячеголовый шовинизм, порождающий небывалую общечеловеческую анархию и грозящий взорвать на воздух самое современную великую цивилизацию, может даже явиться одним из острых составных моментов, стимулирующих рождение новых высших форм общечеловеческого единства, отрицательным возбудителем реализации созревшей великой необходимости. — Ибо так всегда было в истории: высшим закономерностям ее служили даже явления по видимости им противоречившие. В са-

мую трагическую пору существования, например, современного рабочего класса родился социализм и запылал огнями нового «спасительного» движения; в условиях самого крайнего духовного маразма и разложения Древнего мира зажглось христианство, и явилось движением новой высшей духовности; из Средневекового упадка и ожесточения всей жизни восстал Ренессанс, яркая стремительная эпоха Нового Времени. И так почти всегда новые движения, идеи и великие свершения выходили, в значительной мере, из великой необходимости, которая их порождала, из потребностей — духовных или материальных, — которые диктовались сложившейся культурно-исторической ситуацией, из инстинкта самосохранения обществ, государств и народов, который повелевал им мобилизовать все свои силы в определенном, нужном направлении, переродиться, если возможно, для новой высшей жизни, чтоб не умереть в формах обреченной старой жизни. Те, кто мыслят не диалектически, упрощенно выводя из подобного подобное, рискуют оказаться в роли флюгеров исторического движения, хвостистов и регистраторов его, лишь пассивно отражающих то, что происходит вне их; но не в роли творцов Истории, ее медиумов, предвестников и зачинателей, которые следуют не за тем, что случается на поверхности жизни, а за тем, что диктуется ее высшей закономерностью и логикой, за тем, что является главной столбовой дорогой ее.

Сверх того, современный партикуляристический шовинизм и умаление, даже отрицание высшей универсалистической идеи человечества, непосредственно вышедшие из психоза последней мировой войны, поддерживаются также из источника одной психологической аберрации. Отрицая известную историческую форму того или иного явления, люди часто бывают склонны отрицать и самое существо его. Так либерально-демократическое восстание против старого, сословно-монархического государства сопровождалось восстанием против государства, как такового. И лишь в наше время отрицательное отношение к нему становится противоположным, положительным отношением.

Нечто подобное после мировой войны стало наблюдаться также и в отношении человечества. Отвержение изжитых и дискредитированных либерально-социалистических представлений о нем сопровождается зачастую отвержением и самой реальности его. Сама идея человечества, как такового, была скомпрометирована этими либерально-социалистическими, негативно-материалистическими построениями ее — пошлыми и плоскими, пустыми и ничтожными. И, наоборот, так как идея нации всегда ассоциировалась с совершенно иными понятиями и представлениями: с государственно-этическими, духовно-идеалистическими и пр., то естественно, что с возрождением этих государственных и идеалистических настроений возрождается также и идея нации.

В действительности же нет не только внутренней необходимости в такого рода ассоциациях, но скорее наоборот, идея человечества более, так сказать, духовно-нравственная и универсалистическая идея, чем идея нации, — партикуляристическая и в значительной мере эгоистически-индивидуалистическая идея. Поэтому, говоря о новом человечестве, необходимо со всей решительностью отвергнуть старые либерально-социалистические представления о нем, не только изжитые исторически, но и ложные по существу.

Подобно тому, как, несмотря на свой **внешний** культ общества, социал-коммунизм по существу глубоко анти-социален, так же он, по существу, антиуниверсалистичен, несмотря на свой интернационализм. Ибо, кроме грубых материальных интересов — и то сомнительных в своей гармоничности и универсальности — он не только ничего не знает иного, что подлинно единит, но в качестве безнадежно материалистической системы, он и отрицает все то, что действительно единит, т. е. всю высшую сферу духовно-нравственного бытия, полагаемую **противоположным** ему, идеалистическим мирозерцанием. Материалистическое же мировоззрение с его представлениями о мире и человеке, о их значении и назначении, с его онтологическим атомизмом, аморализмом и сведением жизни к той низшей животной сфере ее, в которой господствуют прямо противоположные стихии тем, какие гармонизируют и объединяют, — это по преимуществу негативное, разрушительно-разлагательное мировоззрение скорее мобилизует силы (в человеке и в мире вообще) в духе «естественных» принципов «войны всех против всех» и «человек человеку — волк», чем в духе гармонического отношения человека к миру, — в идеалистическом духе единения и любви, солидарности и братства.

Поэтому назревшая великая задача объединения рода человеческого не осуществима без **нового целостного идеалистического** мирозерцания, соответствующего уровню и смыслу эпохи, без новой высшей мироорганизующей духовности, — духовности не нигилистического теологического порядка, а демиургического прометеевского порядка, которая представляет необходимое внутреннее условие такого объединения. Материалистическое же мировоззрение по самому понятию своему есть антипод всякого возможного идеалистического мирозерцания и в качестве такового, есть принципиальное отрицание высшего духовно-нравственного бытия. В этом и состоит основной внутренний порок материалистической идеи человечества.

Во всех подобного рода стремлениях к всемирному объединению людей нет прежде всего **Духа** гармонизирующего и единящего, нет соответственной **Идеи**, которая бы не только извне, из интереса, но и изнутри, из идеала сплавивала бы людей в одно великое Целое, заставляла бы их ощущать тождество и взаимозависимость своей судьбы. Эти чисто внешние, во имя материалистических интересов делаемые попытки к всемирному объединению людей подобны тем мертвым «костям Иезекииева поля», о которых говорится: «произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кость с костью, а **духа не было в них**». Ибо люди суть прежде всего духовно-нравственные существа, и само единство, как таковое, — реальность духовно-нравственного порядка. Следовательно, и объединение между ними возможно лишь в духе, а не в материи, в идее, а не в интересе. Объединение на материалистической основе интереса возможно лишь по условному принципу *do ut des*, т. е. оно может быть лишь относительным и поверхностным. Единство же в собственном смысле на этой основе не только не может быть осуществлено, но не может быть даже осознано, ибо оно, как сказано, реальность иного высшего, духовно-нравственного порядка.

Всякая такого рода критика интернационалистического социализма, который внешне провозглашая универсализм — социальный и общечеловеческий — внутренне, по существу, отрицает его, должна быть еще более решительной в отношении либерализма, ибо послед-

ний, в силу своего всестороннего материалистического индивидуализма, не только внутренне, но и внешне отрицает универсализм. Его «человечество» и по видимости — простая механическая совокупность, лишь отвлеченно-собирательное понятие, лишенное всяких объединяющих начал. Никакой новой высшей реальностью, кроме отвлеченной суммы отдельных индивидов, оно не является. Поэтому, если социал-коммунистическая идея общечеловеческого единства есть ложь, то идея либерально-демократического единства человечества есть чистая фикция, — понятие лишенное обозначаемого им содержания. Именно ложности идеи человечества в социализме и мнимости ее в либерализме мы в значительной мере и обязаны тем, что эта высшая, рождающаяся в нашу эпоху реальность, стала представляться часто или чем то ложным и даже одиозным («интернационализм») или мнимым и бессодержательным.

В сущности и социализм, и либерализм дальше отрицания нации, которую они ложно противопоставляют человечеству, не идут. И так как они только отрицают, при том отрицают, по существу, положительную реальность, то естественно, что со всей их концепцией на этот предмет стало связываться нечто только отрицательное и пустое, ибо отрицание само по себе действительно только отрицательно и пусто.

Идею единства, в частности — единства рода человеческого, на протяжении всей ее истории преследует злой рок ее — идея торжества. Благодаря подмене этой последней, отдельные индивиды обычно не соединяются в высшей сверхиндивидуальной гармонии, а угашаются в безликой мертвой одинаковости. Этому злему року идеи единства — началу тождества, целиком подпал и современный материалистический интернационализм, в существе которого воплотилась не универсалистическая тенденция единства, а монистическая тенденция тождества. Истинный универсализм сверхнационален, — он вмещает все богатство национальных своеобразий; интернационализм же антинационален, — он отрицает все это многообразие. В универсализме дерево человечества живет во всей своей полноте: в единстве своих листьев и ветвей — народов; в интернационализме оно дается голым и мертвым, без этих его листьев и ветвей — в виде одного безжизненного древесного скелета. Тем самым, вместо сплочения народов в гармоническом единстве и братстве их, получается угашение, убийство их в безликой одинаковости и тождестве.

Поэтому социал-коммунистический, как и либерально-демократический интернационализм не только не дает истинной положительной идеи единства человечества, но он в силу своего антинационализма разрушает реальность и того фрагментарного человечества, которое потенциально, в своих частях — нациях уже содержится. Ибо всякое сложное образование может быть уничтожено двумя противоположными путями: или через угашение его элементов, — через монизм. В первом случае единство обращается во множество, во втором — оно превращается в тождество. Так любой организм может быть уничтожен или через разложение его, как целого, на составные элементы, — это индивидуалистический путь отрицания единства во множестве, или через угашение его элементов — органов в безразличной одинаковости, — это монистический путь отрицания единства в тождестве. И если либерализм с его индивидуалистическим плюрализмом разрушает возможности человечества, возможности человечества, возможности единства людей первым способом, то социализм с его интернационалистическим монизмом разрушает их по второму способу. Либерализм — плюралистичен, социализм — монистичен; но

и тот, и другой не универсалистичны. Ибо универсализм есть гармония целого и частей; его принцип — не тождество и не многообразие, а единство. Единство же по самому понятию своему не исключает, а предполагает тех, кто объединяются.

Идеал единства рода человеческого не только не осуществим — хотя бы частичным образом — при старых отживших формах сознания и бытия, но именно его достижение и есть один из существеннейших моментов их преодоления. Антагонистическая и индивидуалистическая, аморально-материалистическая культура и общественный строй изживаемой эпохи не только не благоприятствует такому гармоническому и универсалистическому идеалу, но прямо исключают его, являются его непримиримой антитезой. Поэтому для истинного объединения человечества, для создания гармонического и солидарного порядка также и в этом аспекте существования людей нужно все творческие надежды возложить на те новые рождающиеся гармонические формы культуры и общественности и те восходящие новые гармонические силы истории — в общем культурно-историческом аспекте: новые народы (мы верим, что это будет, прежде всего, русский народ) и в частном социальном аспекте — новые общественные группы, прежде всего группа творческого — организаторского труда, — под знаком которых совершается вся наша переходная критическая эпоха. Отвергая марксистскую материалистическую идею пролетариата, якобы призванного осуществить эту миссию объединения человечества, идею не только ложную и чисто негативную, но и глубоко дезорганизирующую, разлагательно-разрушительную, мы видим в Трудящихся вообще и прежде всего в трудящихся творческого — организаторского труда, как естественном авангарде всех трудящихся, ту новую гармоническую социальную силу, данную уже в недрах современного антагонистического общества, которая, будучи идеологически и организационно мобилизована, является естественным социальным выразителем ставшей предельно актуальной необходимостью объединения рода человеческого.

С другой стороны, как в социальном аспекте общая эволюция несет и вместе с тем сама осуществляется новыми общественными группами, так и в культурно-историческом аспекте смена всемирно-исторических циклов развития соединяется с инициативным значением новых восходящих народов. Так например, была Египетская культура, Ассирийско-Вавилонская, Греко-Римская, современная Романо-Германская. И теперь в состоянии зарождения некая новая высшая культура, центральные магистрали которой по всем данным скрещиваются на безграничных просторах народов России, переживающей уже сейчас, в своей великой трагедии негативную предпосылку этой грядущей, по всем видимостям, впервые подлинно универсалистической культуры. Об этом современном значении России говорим не только мы, непосредственно ощущающие влияние из ее потенциальных недр духа Новой Жизни, но даже широкие, духовно встревоженные массы Запада и Востока, как и их наиболее замечательные представители, например: Шпенглер, Зиммель, Кайзерлинг и мн. др.

Ненависть и разделение между народами, хаос и дисгармоничность их отношений, это лишь умноженная, взятая в больших масштабах ненависть и вражда, дисгармоничность и хаос между людьми вообще. «Война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*), и «человек человеку — волк» (*«homo homini lupus»*) — эти два основных принципа индивидуалистически-материалистиче-

ского мирозерцания в отношениях между народами выступают лишь в коллективизированном, собирательном виде. Поэтому они не могут быть действительно преодолены без преодоления тех форм сознания и бытия, которые их породили. Буржуазно-материалистическое общество и культура, по самой их природе — анархо-индивидуалистические и аморально-эгоистические, создают с внутренней необходимостью это царство злобы и разделения, хищности и войны. Нужно новое мирозерцание — идеалистическое и универалистическое, и новые формы существования — гармонические и солидарные, чтоб это зверинное, «естественное» состояние войны всех против всех — в сфере как междуиндивидуальной, так и международной — было преодолено, как того требуют и дальнейшие пути всемирно-исторического развития, и новые представления об отношениях между людьми, достойными их собственного человеческого звания.

В то же время необходимость общечеловеческого единства именно теперь, как никогда, исторически актуальна и настоятельна, ибо, как никогда, вся история стала действительно мировой, подлинно всемирной. Наступающая новая эпоха, по всем данным, будет впервые подлинно универалистической, планетарной эпохой, охватывающей в себе весь мир и делающей все всемирным. Поэтому как бы ни были сильны противодействующие силы в формах сознания и бытия изживаемой индивидуалистически - материалистической культуры, они не могут не быть в конце концов снесены мощными и всепроникающими подводными течениями, незримо уносящими всю современную жизнь в океан грядущей Универсальности.

В духовно-нравственной глубине своей люди всегда чувствовали и смутно сознавали свое некое сверхиндивидуальное и сверхнациональное единство, свою взаимную ответственность и солидарность, как бы ни разделяли их внешние эмпирические условия существования. Можно было бы неограниченно много привести данных и соображений, подтверждающих это, теперь почти уже неоспоримое положение. Разъединенность людей есть поверхностный, феноменологический факт, но их единство есть факт глубинный, онтологический. И идеал в том и состоит, чтоб это скрытое потенциально-онтологическое единство сделать актуально-действительным, реализованным. Поэтому в известном отношении это древнейший, вековечный идеал, которому, по всем несомненным данным, лишь с наступающей новой, подлинно универалистической, эпохой суждено реализоваться. «Потребность всемирного соединения, — говорит Великий Инквизитор у Достоевского («Бр. Кар.»), — есть последнее мучение людей. Всегда человечество, в целом своем, стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великой историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирного соединения людей».

В древности эта мечта осуществлялась или в виде т. н. «всемирных монархий», — мировых (в тенденции) государств, величайшим из которых была Римская империя, — это военно-империалистический путь объединения людей; или в виде мировых религий, величайшим объединительным проявлением которых было Средневековое Католичество, — это духовно-нравственный путь объединения. Но для нашего времени встает, в известном отношении, величайшей важности и даже злободневности, вопрос — как возможно теперь осуществление этой вековечной мечты лучших представителей человеческого рода, которая теперь одновременно может казаться и ближе, чем

когда бы то ни было, к своему осуществлению, и дальше, чем когда бы то ни было, от него? В частности, возможно ли теперь **военно-империалистическое** объединение народов, постоянно соперничавшее в древности с путями их духовно-нравственного объединения?

В сущности, оно никогда не было возможно и менее всего возможно теперь. Даже древний Рим объединял далеко не весь мир того времени, а, с другой стороны, и это объединение неминуемо должно было распасться, и оно распалось. Ибо объединение это было только внешним и, следовательно, **антагонистическим**, основанным на насильственном подчинении одному народу других; следовательно, оно по существу даже не было объединением в **строгом смысле** этого понятия, ибо всякое единство, как таковое, есть **двусторонне-гармоническое** отношение и потому — отношение не только внешнее, но и внутреннее; военно-империалистическое же единство есть только внешнее и **односторонне-антагонистическое**, и как таковое, есть лишь относительное единство. Тем менее такое насильственно-внешнее, военно-империалистическое объединение возможно в наше время, при наличии нескольких великих империй и государств, уравновешивающих и ограничивающих друг друга.

Мировое владычество одного какого-нибудь народа в наше время — явная и совершенно очевидная химера. И не только потому, что в наше время нет народа, который бы своим военным могуществом в такой мере выделялся из всех других современных наций, чтоб стать их единственным поработителем. — Сама жизнь стала слишком многоцентричной, слишком многоавтономной. К политической активности привлечены не только отдельные сословия, но и широкие народные массы; при том, они исполнены активного сознания своего национального и просто человеческого достоинства; они способны к самоорганизации, к действию, к общественной инициативе. Поэтому, если бы даже возможно было допустить эту явную химеру и предположить, что после длинного ряда войн какой-нибудь один народ стал бы владыкой мира, то, как это символизируется в Вагнеровской музыкальной драме кольцом Нибелунгов, вокруг этого народа создалось бы такое могучее и страшное кольцо всеобщей ненависти всех народов и всех народных масс, что падение его очень скоро стало бы неизбежным.

Кроме того, в таком гипотетическом предположении необходимо присутствует тот длинный ряд войн, путем которых народ-завоеватель только и мог бы прийти к мировому владычеству. Но что означает такой длинный ряд войн при современной чудовищной технике вооружений — едва ли стоит говорить. Результатом его была бы не чья-либо победа над миром, а гибель всего мира, культурно-историческая смерть человечества.

По той же причине Наполеон, вышедший из универсалистической Французской революции, не мог довести дело объединения тогдашнего человечества до конца, ибо гений его был на службе личной воли, которая умела побеждать народы, но не умела побеждать самое себя. Он шел в качестве завоевателя, а не объединителя, им владел не гармонический дух единства, а антагонистический дух преобладания.

В этой связи едва ли стоило бы, после всего сказанного, говорить о некоторых бредовых претензиях нового немецкого империализма, если бы эти претензии вместо организации человечества не несли той опасной дезорганизации его, которая только и может быть их реальным последствием. Ибо менее всего универсалистичен как раз именно немецкий народ с исконным расизмом и милитариз-

мом, шовинистическим партикуляризмом и драчливостью. Ему не только чужда идея единства народов, но он как бы несет в себе бродило их раз'единения, особачивая каждый раз международные отношения, как только становится к ним активно причастным. Даже сами между собой немцы долго, до самого последнего времени, пребывали в состоянии полного раз'единения и вражды, распадаясь на множество мелких, партикулярных «государств». И это симптоматично. Точно также и в мир они несут не дух единства, а раз'единения, не братство народов, а их вражду. Идея всемирного об'единения — это идея того же порядка, что государственная идея, или даже больше: это и есть государственная идея, взятая в ее высшем предельном смысле мирового **Абсолютного** государства. О немцах же (Нрусси) хорошо было сказано, что это не государство, у которого есть армия, а армия, у которой есть государство. Немцы, по существу, — безгосударственный народ, идея государства, в собственном смысле, им чужда и недоступна. У них не государственность, а муштра, — нечто с государством ничего общего не имеющее. Они не государственники, а драчуны, вульгарные вояки и потому также плохие вояки, ибо за успешной войной должна стоять большая и истинная политика, за милитаризмом — государственность. Потому то Германия в своей истории не знала ни одной великой победы, а битва была почти неизменно. Ведь сама война, по известному и справедливому определению, есть продолжение политики, лишь иными средствами. Следовательно, где за милитаризмом нет истинной политики, там и истинного милитаризма нет. Римляне не покорили бы мир, если бы они не были прежде всего государственниками **par excellence**. И потому, что они были истинными государственниками, они сумели не только покорить мир, но в известном отношении и об'единить его.

Но если в наше время менее, чем когда бы то ни было, возможно военно-империалистическое об'единение человечества (как и духовно-нравственное в прежнем, теологическом смысле), то зато — и в этом великое знамение нашего времени — в нем впервые становится возможным истинное **организационно-идеологическое** его об'единение, — об'единение в **Организации** и **Идее**, беря эти понятия в самом глубоком и общем смысле. Организационно-идеологическая возможность единства по самой сути дела только и может иметь место вообще, если исключены пути его военно-империалистического или духовно-нравственного осуществления. Но в наше время эта возможность приобретает особую значительность и всемирно-исторический смысл, она становится в известном отношении делом нашего культурно-исторического кредо.

В сущности, и отмеченные два пути прежних попыток об'единения человечества — военно-империалистический и духовно-нравственный — **ядром** своим имели также **Организацию** (первый) и **Идею** (второй). Но обе эти прежние попытки всечеловеческой универсальности были не состоятельны, так как каждая из них не содержала в себе другой. Идея в мировых религиях и Организация в мировых империях-государствах были таковы, что в своей **односторонности** они исключали друг друга. А нужна такая **новая** Идея и такая **новая** Организация, которые бы не противостояли, а содержались друг в друге, как внешнее и внутреннее одного и того же, — были бы единым в одном. И в этом и состоит в замысле суть мироорганизующего Титанического мирозерцания, Прометеизма, этой высшей и

глубочайшей потенции идеального порядка, которой заряжена наша, в этом отношении решающая для всей мировой истории, эпоха, — потенции, в которой заключен плод нового целостного и гармонического бытия, не знающего прежней разорванности и антагонистичности. Прометеизм в этом смысле есть преодоление в высшем творческом Синтезе всех тех великих и вековечных антитез — Идеального и Реального, Неба и Земли, Бога и Человека, Церкви и Государства и т. п., которые были различными проявлениями общей и изначальной расколотости сознания и бытия между теологическим — в нашем смысле — и материалистическим мирозерцаниями, и которые обуславливали собой также и два односторонних пути всех прежних попыток объединения человечества — в Религии - Идее и в Государстве - Организации. Под знаком преодоления этой древней и вековечной антитезы разными путями и в разных частных проявлениях идет вся наша эпоха. Титаническое мирозерцание, — Прометеизм есть лишь высшее и идеологически осознанное выражение этого великого воссоединения.

Но отсюда и то углубление и возвышение новых универсалистических стремлений к единству всего рода человеческого, которые, несмотря на реакцию и временные, эпизодически - переходящие, затемнения их, характерны для всего нашего времени. Ибо в результате воссоединения прежде разобщенных начал сознания и бытия и эти универсалистические тенденции в общечеловеческому единству — из Идеи и из Организации, сливаясь в новом высшем синтезе, обретают особую значительность и силу. Тем самым, в Прометеизме, который и является осуществлением этого Синтеза, прежние универсалистические стремления, раздвоенные между двумя путями, как бы умножаются друг на друга. Отсюда то крайнее выражение духа вселенскости и мироорганизующего универсализма, которым исполнено его существо.

«Идея всемирного объединения людей, — говорит Достоевский, — есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной оно и живет» (Дневник Писателя). И хотя это несколько противоречит другим словам его, согласно которым, «потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей» вообще, то поскольку действительно верно особое, крайнее **заострение** этой «потребности» именно в Европейском человечестве, то происходит оно из того, что Европейское человечество впервые познало и выдвинуло — по крайней мере в предварительном виде — идею организации мира, как вселенского замысла демиургической мощи людей, дело Спасения, как Общее Дело, которое необходимым образом предполагает и ведет к всемирному объединению людей. До него народы знали лишь индивидуальный путь к Совершенству, — дело Спасения, как частное дело, которое им указывали те или иные из их религий. В недрах Европейского человечества впервые зародилась идея преобразования мира и в нем человека, как совокупного Подвига всех людей, как Общего Дела всего рода человеческого. Если в Теологическом мирозерцании древних человек противопоставит Богу и ищет в нем своего Абсолютного утверждения и восполнения, то в Титаническом мирозерцании, которое в себе таит новое рождающееся человечество, человек противопоставит миру, как становящемуся в Истории Абсолюту, и в воссоединении с ним ищет своего Абсолютного утверждения и восполнения. Следовательно, аскетическое единство с Богом — там и героическое единство с миром —

здесь — таковы два различных пути Абсолютного утверждения человека: путь Религии и путь Прометеизма. А этот последний путь необходимым образом обусловлен единством всех людей, всемирной их взаимоответственностью. Ибо единство с миром есть прежде всего единство человека с человеком, в пределе — единство всего рода человеческого, который является средоточием мира. Поэтому творческий выход из своей отчужденности и конечности и гармоническая приобщенность к бесконечности и всеединству, это прежде всего выход человека к человеку, это утверждение братства людей.

Всемирное объединение необходимо для Дела преобразования мира, которое является прометеевским путем Спасения, путем Истории, не только потому, что лишь такое объединенное человечество является адекватным субъектом мира и его преобразования, субъектом Истории в собственном смысле, но и потому, что порознь людям недоступен этот их Абсолютный подвиг преобразования мира, подвиг Истории, но доступен им всем вместе. Люди стремятся ко всяческому объединению и его завершению — всемирному объединению потому, что сознают то высшее демиургическое могущество которое таким образом достигается и ту немощь и ограниченность, которые присущи состоянию разединенности. И если воля к этому могуществу с особой силой сказывается именно в новом европейском человечестве, то это по той причине, что оно впервые стало освобождаться от власти Теологического сознания, для которого в таком могуществе не было нужды, так как в нем, в этом сознании, человек все свои надежды возлагал на Бога, на его всеопределяющую и всепроникающую власть. В Титаническом же мирозерцании люди свою Абсолютную надежду возлагают на свою собственную безграничную демиургическую мощь. А эта мощь в качестве своей реализации предполагает их единство.

Таким образом, в Титаническом мирозерцании люди братья уже потому, что у них одно общее великое Дело, один грандиозный замысел Творчества - Труда, который может быть посилен лишь всем им вместе и никому в отдельности. Тем самым, тут люди — братья в самом сотрудничестве, в Творчестве - Труде, и потому это — братство в деле и на деле, — Демиургическое братство - сотрудничество.

Согласно теологическому мифу, Бог, чтоб помешать людям построить «Город» их и «Башню Вавилонскую» «высотой до небес», смешал их языки и рассеял по всей земле, т. е. разединил, распылил, разобщил их. Отсюда можно вывести и обратное, исходя из **негативности** истины в мифах нигилистического Теологического мирозерцания, что для Строительства, для осуществления их Абсолютного подвига преобразования мира, подвига Истории, люди должны быть гармонически воссоединены, собраны, мобилизованы в одном Демиургическом братстве Творчества - Труда, ибо во взаимопонимании их, в распыленности и взаимном уничтожении их сил они беспомощны и бессильны в своем творческом стремлении к Великому.

Таким образом, необходимость общечеловеческого единства вытекает из обоих основных принципов Прометеизма: из его **универсалистического принципа** всеединства, присутствия всего во всем и единства человека с миром и из его **демиургического принципа** творчества, как источника абсолютной мощи Человека, предполагающей в качестве условия своей реализации общечеловеческое братство - сотрудничество людей. (Мы употребляем термин «демиургический» в модернизованно-родственном смысле с древним понятием «теургический»). По-

этому по существу лиг в Прометеизме идея человечества может быть обоснована во всем ее объеме и значительности, и лишь на почве его основ эта высшая универсалистическая реальность является не только возможной, но и необходимой.

И это следует не только из основных начал Прометеизма, самих по себе: универсалистического и демиургического принципов, но и из центрального предмета его — проблемы организации мира и в ней его научно-трудового, организационно-творческого преобразования. Ибо с субъективной человеческой стороны организация мира ничто иное, как организация, гармоническое объединение людей, всемирное братство их. А с другой стороны, разединение и вражда людей именно в этом наиболее широком общечеловеческом масштабе есть самое общее и всеопределяющее проявление мировой дезорганизации. Вне такого всемирного общечеловеческого братства, братства людей и народов организация мира и в ней его преобразование не может быть не только завершена, но даже осуществляться последовательно. Нельзя организовать мир, как целое, не объединив в то же время людей, как целое. А с другой стороны, осуществление такой универсалистической организации мира есть вместе с тем осуществление и универсалистического единства людей.

Но организация мира, в соответствии с двумя его основными аспектами, есть, с одной стороны, организация Природы, преодоление пространства, — этого отрицательного принципа Природы, и с другой стороны, есть организация Истории, преодоление времени, как отрицательного принципа Истории. Формой организации Природы является материальная культура, главным образом, техника; ведь техника — ничто иное, как познанная и подчиненная человеку природа. Формой организации Истории служит культура вообще, главным образом, общественность. При этом мы, разумеется, употребляем понятие общественности не в материалистически спрофанированном лишь хозяйственном смысле, а в целостно-идеалистическом, прежде всего, духовно-нравственном смысле, ибо общественность, ведь, есть общность людей; люди же суть прежде всего духовно - нравственные существа. В этой же последней, беря понятие общественности в самом широком смысле, в смысле всякого проявления единства между людьми, реальность человечества, как и форма его политического бытия — государство (мировое абсолютное государство, см. №№ 2, 3, 8, «Т. Р.») является высшим и предельным ее выражением. В нем единство человека с человеком, с чего и начинается всякое проявление общественности, распространяется до единства всего рода человеческого, замыкающего, таким образом, круг всякого возможного расширения пределов общественности.

Можно возразить, что почти все обычные виды общественности не новы и были всегда. Но ведь и элементы техники были «всегда». Однако, покорение Природы в том особом смысле, в каком оно выразилось в современной великой технике, есть дело лишь нашего времени, с рождением новой эпохи, приобретают особую, неизвестную другим эпохам, значительность и смысл. Отсюда — возвеличение всех проявлений общественности, тающееся или наблюдающееся уже и теперь, и касающееся в особенности высших проявлений ее: в социально - политическом аспекте — государства и в культурно - историческом — человечества.

Особое значение и смысл идея организации мира — в его при-

родном и историческом аспектах, во всем своем объеме уясняется прежде всего из Цели ее, как она может быть выражена лишь в Титаническом мирозерцании, — в Прометеизме, из той новой **преображенной Действительности**, которая таким путем достигается. Как основной элемент организации Природы, — техника, так и основной элемент организации Истории, — общественность, суть не самоцель, а лишь **средства**. Цель того и другого и, следовательно, цель организации мира вообще, если ее понимать в предельно углубленном и абсолютизированном смысле Титанического мирозерцания, заключается в Идеале этого последнего, — в Абсолютном идеале преобразования мира, в достижении власти человеком над своей Судьбой и, следовательно, над Судьбой мира, в частности, в победе над смертью, как предельно-отрицательном проявлении Судьбы. В организации Природы и Истории, в победе над пространственной и временной необходимостью осуществляется преодоление всех отрицательных проявлений бытия—немощи, ограниченности, ничтожества, рабства и достижение всех его положительных, благодных проявлений. Преобразование мира, осуществляемое в организации Природы и Истории, есть преодоление дисгармонического пространственно-временного порядка раз'единения и конечности, с одной стороны, и осуществление гармонического сверхпространственного и сверхвременного порядка бесконечности и всеединства, с другой стороны. В нем человек творит и достигает атрибутов власти своей над Закономерностью Природы и Истории, времени и пространства, атрибутов своего творческого величия и могущества, к которым он по своей Абсолютной природе призван.

Реальность человечества проистекает, как **необходимое производное**, из обоих этих основных проявлений организации мира и в ней его преобразования — из организации Природы и организации Истории. В результате организации Природы и преодоления пространства весь мир внешне объединяется, история становится действительно мировой, — а субъектом мировой истории не может быть какой либо отдельный народ (часть), а только человечество (целое). С другой стороны, организация Истории есть прежде всего организация **людей**, — субъективного момента Истории. Раз'единение же людей и дезорганизация их в межнациональном, общечеловеческом аспекте есть главное и основное проявление их дезорганизации и раз'единения, ибо оно самого общего, основного и всеохватывающего масштаба. Вот почему, как мы выше говорили, фашизм, особенно расистский, раз'единяющий людей и культивирующий злобу именно в этом самом общем и всеобъемлющем аспекте их сосуществования, грозит явиться, наряду с марксизмом, культивирующим злобу и антагонизм во внутреннем социальном аспекте, величайшей дезорганизующей силой нашего времени.

При этом организация Природы, преодоление пространства создает лишь внешние и материальные условия общечеловеческого единства; организация же Истории, преодоление времени создает социальные и духовные условия этого единства. Люди — сами существа, на половину, низшей своей стороной, принадлежащие Природе, укорененные в ней. Поэтому деструктивно-дезорганизованное состояние последней, обреченность ее власти материи обуславливает также деструктивно-дезорганизованное состояние и в их собственном внешне-материальном существовании. Чем ближе какое либо население стоит к Природе в ее первоначальном виде (например, крестьянство), тем

более оно внешне распылено и раз'единено, затеряно и беспомощно. И наоборот, с организацией Природы и овладением ею люди, в той внешне - материальной стороне своего существования, которой они связаны с Природой, организуя ее, сами объединяются и связываются в одно целое, преодолевают пространственную разобщенность и материальную обособленность. Они в огромных массах собираются в великие города и другие человеческие комплексы: племена, народы и т. п., образуют грандиозные системы хозяйства: от единично-замкнутого, оikosного хозяйства через т. н. городское, потом народное, наконец, к современному мировому хозяйству, включающему в свой оборот все человечество.

Именно благодаря великим достижениям в организации Природы, в овладении пространством, в наше время, история, как сказано, впервые становится подлинно мировой. Вся жизнь материально объединяется и универсализируется, в одно целое связывается вся планета. Самые отдаленные уголки земного шара включаются в единый мировой оборот, разбиваются и сносятся все перегородки, все стены от'единенности, которые разобщали прежде людей, и человечество образует в этом внешне - материальном отношении все более и более один единый и всеоб'емлющий коллектив. В такой внешне - материальной всесвязанности каждый отдельный индивид становится членом всего мирового целого: он сам, благодаря сложной мировой сети разделения труда, работает на весь мир, и, с другой стороны, и его потребности, можно сказать, обслуживаются все миром. В своем питании и одежде любой средний обыватель современности пользуется продуктами из всех стран, из всех климатов, от всех народов; и потому какое-либо изменение в одном месте целого реально ощущается им, как непосредственно касающееся его самого. В то же время внешне-материальное объединение человечества обуславливает и диктует и его духовно-социальное единство. Тем самым, проблема общечеловеческого единства подымается на свой высший уровень и встает во всем своем объеме и значительности.

Если спросить — что произошло, что совершилось в нашу эпоху, что в известном отношении внесло полный переворот во все наше существование, изменило внешний облик всей нашей планеты, то нужно сказать, что произошло, осуществилось — по крайней мере предварительное — **покорение Человеком Природы**. И это, возводя наше существование в новый высший аспект бытия, ставит во всем объеме и во всей значительности следующую, высшую проблему организации мира, проблему организации и овладения Историей. Отсюда крайнее обострение уже сейчас актуальности всех реальностей исторического порядка: общества вообще, нации, государства, наконец, человечества. Человечество, как и в особенности государство (**грядущее мировое Абсолютное государство**), есть не только необходимый, но и высший момент назревшей исторической мобилизации, с которой связано рождение новой наступающей эпохи. Оно является главным и, так сказать, верховным субъектом ее, условием и моментом ее осуществления. Совершающееся рождение человечества, как такового, как гармонически - универсалистического единства людей, связано с рождением Истории в собственном смысле, с моментом переключения мироорганизующей воли Человека из низшего внешне - материального аспекта Природы в высший духовно-социальный аспект Истории. Ибо рождение человечества может быть лишь историческим рождением, так как оно само есть

историческая реальность по преимуществу. Такое же рождение знаменует собой в известном отношении эру в человеческом существовании, эру Истории в собственном смысле.

История в собственном смысле означает степень демиургической мощи человека, когда объектом его власти становится она сама (История), когда из объективного процесса, который стихийно происходит, она превращается в сознательное Сверхшение, которое разумно творится. Тогда благодаря властному овладению закономерностями этого процесса она в своем возможном осуществлении есть уже не безразличное бывание, происходящее из необходимости, а нравственное Деяние, совершающееся из Свободы, не осуществляющаяся власть над человеком его Судьбы, а достигающаяся власть Человека над своей Судьбой. В ней он, таким образом, обретает истинное поприще своего, собственно человеческого, Абсолютного призвания, она становится Путем, в котором объединенное человечество в своем Абсолютном подвиге преображения мира, подвиге Творчества - Труда, демиургически реализует в мире — в прометевском смысле — Абсолютное.

Но организация Истории (и овладение временем), которой, таким образом, знаменует эра Истории в собственном смысле, не осуществима без своего субъективного момента — организации, объединения людей в общемировом масштабе, ибо, как говорилось, дезорганизация и раз'единение их в этом наиболее общем и всеобъемлющем плане есть главное и наиболее общее проявление дезорганизованного и раз'единенного состояния людей вообще. Следовательно, субъектом Истории в собственном смысле может быть лишь объединенное человечество, лишь всемирное братство людей.

Понятие организации Истории, как и понятие организации мира вообще, содержат в себе два основных момента — момент демиургической мобилизации и момент гармонического объединения, соответствующие двум основным принципам Прометеизма: демиургическому и универсалистическому. Но История есть История людей. Значит, и момент гармонического единства, момент объединения означает прежде всего гармонического объединения людей, в пределе всех людей, т. е. человечества. Отсюда видна зависимость проблемы общечеловеческого единства от проблематики организации Истории.

Это также явствует из особого, духовно-социального характера закономерности, которой управляется История и которая по самой природе своей есть закономерность присущая собственно человеческим существам. Как организация Природы, преодоление пространственной необходимости есть овладение натуралистической закономерностью Природы, так организация Истории, преодоление временной необходимости есть овладение темпоралистической (от *tempora* — время) закономерностью Истории. Но закономерность Природы есть закономерность вещей, закономерность же Истории это закономерность людей. Поэтому если организация Природы имеет своим предметом отношение между вещами, и этот ее предмет внешне - материального свойства, то организация Истории имеет предметом своим отношения между людьми, и этот предмет ее — духовно - социального свойства. Организация же людей, взятая в своем общем и всеобъемлющем масштабе означает объединение, всего рода человеческого. И так как это объединение — духовно-социального порядка, то оно означает ничто иное, как братство

людей. Следовательно, непосредственным образом реальность человечества связана с Историей, как таковой.

Дальше. Организация Природы, преодоление пространства имеет своим предметом власть человека над своим положением; организация Истории, победа над временем — власть его над своей Судьбой. Но достижение власти человеком над своей Судьбой не осуществимо вне реализации гармонического объединения людей, всемирного братства их. Ибо в раз'единении люди друг друга ограничивают и ослабляют, и лишь в единстве они друг друга восполняют и укрепляют. Единство же и братство людей, взятое в самом широком, общемировом масштабе, есть ничто иное, как человечество, рассматриваемое под духовно-социальным углом зрения.

Во всей этой последовательной зависимости человечество, таким образом, выступает в качестве производного обоих основных принципов организации мира и в ней его преобразования: универсалистического принципа единства и демиургического принципа творчества. В организации Природы, в преодолении пространственной необходимости, универсалистический принцип единства и демиургический принцип творчества осуществляются в аспекте Природы; в организации Истории, в преодолении временной необходимости те же два основных начала Прометеизма осуществляются в этом последнем аспекте. В частности, в первом аспекте достигается творческое воссоединение человека с миром, как Природой, которая, таким образом, из враждебного противопоставления превращается в его служебное восполнение; во втором — это воссоединение достигается с миром, как Историей и, следовательно, с верховным носителем Истории — с человечеством.

И так как человечество конституируется, главным образом, именно Историей, а не Природой, -- Природой и ее организацией оно лишь внешне-материальным образом обуславливается, — то основным аспектом и его единства является аспект времени, а не пространства, — единство в смене поколений, а не в сосуществовании человеческих масс. Ибо духовно - социальное единство человечества в плоскости Истории означает единство его Судьбы; сосуществование же во внешнем пространственном аспекте означает лишь единство внешнего положения. Поэтому и взаимная ответственность людей—всех за всех— во временном плане Истории не меньшая, а большая, чем во внешнем пространственном плане материального сосуществования. Это ответственность подлинно в жизни и в смерти, ибо именно смерть есть то, что раз'единяет людей в этом временном аспекте. Следовательно, в общем идеале Абсолютного утверждения человека, осуществляемого в его гармоническом единстве со Всем, победа над смертью есть один из существеннейших моментов всеобщей ответственности людей друг за друга. Ибо организация Истории, преодоление времени достигается в творческом воссоединении времен, в сверхвременном единстве рода человеческого. И человечество, как культурно-историческая реальность по преимуществу, является главным носителем этого сверхвременного единства.

Итак, если в организации Природы, в преодолении пространства достигается внешнее и материальное объединение человечества, то в организации Истории, в преодолении времени ставится проблема его социального и духовного единства. Тем самым, назревшее рождение человечества, как такового, обусловлено и как необходимость новой эпохи организации Истории, и как возможность, вытекающая из закон-

чивающейся эпохи организации Природы. С одной стороны, организация Природы, преодоление пространства делает дальнейшую историю подлинно мировой, а с другой стороны, организация Истории, преодоление времени возвышает ее в Историю в собственном смысле. Но и в том, и в другом отношении субъектом такой универсалистически и демиургически квалифицируемой Истории может быть лишь человечество.

Это ставит проблему об идее человечества, подобно тому, как можно говорить об идее того или иного народа, субъекта национальной истории. В чем же эта идея?

Если человечество, как и его политическое выражение — мировое Абсолютное государство, есть высший субъект Истории, Истории, как таковой, Истории в собственном смысле, то идея его и есть идея Истории, которую оно сознательно творит, и в которой само творится. Идея же этой последней, вытекающая из самого демиургического понятия ее Динамики, может быть предельным образом выражена, как **Становящийся Абсолют**, — как Абсолютное понимаемое не в смысле Теологического мирозерцания, — Религии, а в смысле Титанического мирозерцания, — Прометеизма. Она в своем осуществлении есть творимый всем объединенным родом человеческим Абсолютный подвиг преобразования мира, в частности, победы над смертью, Подвиг осуществления в мире **Великого**.

Высший и основной аспект организации мира и в ней его преобразования — аспект организации Истории обнимает собой известным образом и низший аспект ее — организацию Природы. Поэтому и в нравственном значении творческое овладение Природой находит свое высшее обоснование и осмысленность в творческом овладении Историей, — в реализующемся в ней — в прометеевском смысле — Абсолютном. — В организации Природы, в преодолении пространства достигается грандиозность и материальное могущество, в организации Истории, в преодолении времени осуществляется Величие и демиургическое могущество, — могущество во власти Человека над своей Судьбой, в мощи его Абсолютного утверждения.

Таким образом, идеей человечества является ничто иное, как Прометеизм, для которого понятие Истории в собственном смысле и в ней Становящегося Абсолютного является центральным. Прометеизм же по самому смыслу своему, как новый принцип отношения к бесконечности, как новое понятие единства индивидуального с Универсальным, не терпит никаких ограничений, ничего отъединяющего и частного. Универсалистический принцип единства всего со всем — его первоосновной принцип; его стремление к преодолению пространственно-временного отъединения и конечности — основное стремление. Тем самым, лишь реальность человечества может отвечать этому его культурно - историческому масштабу и тенденции, ибо лишь в ней преодолевается всякое ограничение в отношении человека к миру, ко Всеединству.

Человечество есть в известном отношении интеграл от дифференциального понятия индивидуального человека; в нем человек, как эмпирическая реальность, становится Человеком (с большой буквы) в качестве онтологической реальности. Поэтому то, что является Идеей — Идеалом Человека в этом последнем смысле, служит вместе с тем Идеей - Идеалом и человечества, как общечеловеческого единства. Но Идеей-Идеалом Человека в абсолютном смысле этого понятия может быть лишь Прометеизм, так как лишь в нем обретается это его абсолютное понятие. Следовательно, лишь Прометеизм может

служить Идеей-Идеалом и человечества, как гармонического всеединства всего рода человеческого.

Человечество таково, каков отдельный человек, к которому оно, в конце концов, сводится; в частности, оно таково, каков тот, кто о нем рассуждает. Все то, что мы говорим о Человеке в его абсолютном духовно-нравственном существе, мы вместе с тем говорим и о человечестве. Следовательно, образ человечества в Прометеизме, в Титаническом мирозерцании будет также отличаться от образа его в Материалистическом мирозерцании (как и в Теологическом), как представление о человеке в первом отличается от представления о нем во втором.

Прометеизм, Титаническое мирозерцание есть новая вера, — Титаническая вера Человека (Человечества) в себя, в свое Абсолютное значение и назначение. Исполненный безграничной потенции своего творческого величия и могущества, Человек призван в Истории, в преображении мира эту свою Потенцию реализовать, а вместе с тем реализовать и значение и назначение мира. Поэтому становящийся в Истории Абсолют, это прежде всего Человек, становящийся Абсолютом, это заданный в творческом единстве его со Всем Абсолютный человек, поскольку именно он является высшим носителем осуществляющегося в Истории универсалистического принципа всеединства и реализующегося в ней демиургического принципа творчества. Но осуществление этих двух основных принципов Становящегося Абсолютного, принципов Прометеизма, полагает и предполагает гармоническое единство человека с миром, со Всеединством, а, значит, и с тем, что является высшим составом мира, — с человечеством.

С понятием Абсолютного всегда связывалась идея общечеловеческого единства. Все высшие религии начинали с провозглашения этого единства. Ибо в понятии Абсолютного содержится и понятие всеединства, а в этом последнем предполагается и частное его проявление — единство общечеловеческое. Но в то время как в Религии, в Теологическом мирозерцании с его идеей Сущего Бога (мифически Сущего) реальность человечества была лишь моралистической категорией, не имевшей никакого прагматического значения, в Титаническом мирозерцании, в Прометеизме, с его идеей Становящегося Бога, она является высоко-служебной, демиургической категорией, имеющей высший мироорганизующий смысл. Теологическое мирозерцание не знает Истории и даже отрицает ее, и поэтому ему реальность этого высшего субъекта Истории, человечества по существу не нужна. Титаническое же мирозерцание во всем исходит из Истории, как своего центрального понятия, поэтому и этот высший субъект ее для него приобретает безусловное значение и смысл.

В качестве нового понятия об Абсолютном, понимаемом из Истории и в качестве идеи Истории, Прометеизм есть, в частности, выражение нового высшего принципа отношения к бесконечности, отношения реализующегося в подвиге Творчества - Труда. Будучи Идеей - идеалом преобразования мира и в нем творческой организации Природы и Истории, преодоления времени и пространства, — этих отрицательных начал конечности и разединения, конституирующих деструктивно-дистгармоническое состояние мира, он, тем самым, с положительной своей стороны является идеей-идеалом осуществле-

ния начал бесконечности и всеединства, как гармонически-творческих начал преобразенного мира. Поэтому организация Природы и Истории, преодоление времени и пространства, как индивидуалистических форм конечности и раз'единения, означающая с другой положительной стороны осуществление универсалистических начал бесконечности и всеединства, ведет ко всяческой универсализации всего нашего бытия, к преодолению всякой ограниченности и от'единенности. Тогда общечеловеческий универсализм, который есть необходимое составное проявление этого общего универсализма, вытекает с внутренней предопределенностью из всего демиургического Дела организации Природы и Истории, Дела преобразования мира.

Итак, идея единства всего рода человеческого следует из всех основных и величайших тенденций нашего времени. Она — необходимое субъективное увенчание всех его глубочайших объективных процессов. И потому, если следствия таковы, каковы причины, то о том, что в этом смысле будет, можно с такой же достоверностью сказать, как о том, что есть. Все эпохи так или иначе ставили эту великую и вековечную проблему единства человечества. Но лишь та эпоха будет в состоянии ее решить, которая решит проблему человека в его отношении к миру, — проблему гармонического отношения отдельного ко Всему, частного к Общему, индивидуального к Универсальному, ибо это в сущности одна проблема. Последняя же есть ничто иное, как центральный момент всей проблематики организации мира. И потому, надо думать, проблема эта впервые будет решена именно с наступающей в наше время новой, подлинно универсалистической эпохой, ибо эпоха эта и будет прежде всего эпохой организации мира.

II. НАЦИОНАЛИЗМ И УНИВЕРСАЛИЗМ.

Тем не менее пока, — пока еще не преодолены современные буржуазно-индивидуалистические и зверинно-материалистические формы сознания и бытия, миром правят ненависть и эгоизм, идеи и люди не только не достойные достигнутого уровня человеческих возможностей, но и прямо грозящие самому существованию современной великой культуры и цивилизации. В то время как создательный Разум человеческий принес величайшее торжество творческого гения человека, те, от кого еще зависит его социальное и духовное руководство, обращают эти его великие достижения против него же, грозя ему чудовищной, страшной катастрофой.

И при этом, в частности, делается это в одном отношении во имя зоологически, расистски понятой «нации», в другом — во имя по-дарвиновски, по-зверинному понятой «личности».

Но прежде всего ложна до самого основания своего сама эта главная антитеза национального и общечеловеческого.

Обычное противопоставление национализма и универсализма основано на одной логической ошлбке — ошибке смешения понятий **противоположного** и **противоречивого**. Национализм и универсализм начала в известном отношении противоположные, но отнюдь не противоречивые. И поэтому они не только не исключают, но наоборот, даже предполагают друг друга. Так, например, левая и правая сторона, мужское и женское начала означают противоположность, но не противоречивость, как в случае, например, понятий творчества и разрушения, — они не только не исключают, но даже вос-

полняют друг друга. Больше того: более крайняя противоположность нормально даже усиливает взаимное притяжение. Так, наибольшая противоположность между химическими веществами вызывает и наибольшее притяжение между ними. Нация же и человечество даже не являются противоположностями в этом обычном смысле, ибо их противоположность есть лишь условная противоположность целого и части. В этой же своей условной противоположности они, как целое и часть, не только не исключают, но требуют и обуславливают друг друга.

Все, что существует, состоит из элементов и частей. Так, всякий организм составляется из отдельных органов; государство образуется из отдельных учреждений, машина — из частей и т. д. Подобно этому и человечество ближайшими органами — частями имеет народы. Нация исторически есть вслед за семьей, родом и племенем следующая и высшая форма — ступень единства человека с человеком, вслед за которой идет, об'емлющая и ее, последняя и высшая форма такого единства — человечество.

А если так, если отношение между нацией и человечеством есть функциональное взаимоотношение части и целого, органа и организма, которые, в качестве таковых, не только не противоречат, но служат и обуславливают друг друга, питают и создают, то разделять и противопоставлять нацию и человечество значит вредить и тому, и другому, ибо они только друг через друга и живут, только друг другом и существуют. Поэтому националист, знающий лишь свой народ и отрицающий человечество, так же плохой националист, как универсалист, знающий лишь человечество и отрицающий нацию, плохой универсалист. Первый обедняет народ, лишает его среды, второй опустошает человечество, лишает его содержания.

В этом отношении в фашизме и коммунизме борются две правды, но только обращенные ими, в силу их противопоставления, в две лжи: в одном случае правда универсализма обращена в ложь интернационализма, в другом правда национализма — в ложь шовинизма. И именно в таком извращенном противопоставлении эти две правды, вместо гармонического взаимоутверждения, превращены в две великие борющиеся лжи нашего времени.

«Я — Антонин, но я и человек; для Антонина град и отечество — Рим, для человека — мир». Так должен был бы мыслить свое отношение к национальному и общечеловеческому человек нашего времени в особенности, когда национальное и универсальное, как еще никогда, пришли в крайнее отношение взаимной обусловленности. Именно теперь больше, чем когда бы то ни было, каждому человеку надлежит помнить, что у него две родины: своя страна и мир, два гражданства: национальное и общечеловеческое. И в то же время знать, что, служа этим двум началам, мы не только не двоимся, но, наоборот, возрастаем в своем служении каждому из них. Ибо если человечество обогащается и возвеличивается от богатства и значительности своих элементов — народов, то и народы, вступая в творческое взаимодействие с человечеством и его частями, обогащаются и возвеличиваются за счет всего его содержания. Целое таково, каковы его части, и если бы не стало частей, то и целого не было бы. Также и обратно: элемент, лишившийся участия в целом, лишился бы не только всего содержания его, но и сам перестал бы существовать в качестве известной реальности.

Как индивидуальная личность достигает своего высшего утверждения лишь в самоотверженно-творческом выходе из своей ограниченности, так и культурно-историческая личность — нация возвеличивается и истинно преуспевает лишь в творческом служении тому, что выше ее — Человечеству, Истории и в ней Становящемуся Абсолютному, Становящемуся Божеству. Об этом говорит вся история, подтверждая, что народы лишь тогда возвеличивались и истинно возрастали, когда с верой в себя и в свое высокое историческое призвание, они служили высшим и общечеловеческим целям.

Поэтому вполне законный национализм нужно также отличать от партикуляристического шовинизма, как персонализм — начало личности — нужно отличать от эгоистического индивидуализма, ибо индивидуализм — как и шовинизм — не утверждает, а обедняет и разрушает личность (в частности, личность национальности); тогда как в служении во имя Общего и Универсального личность достигает своего высшего утверждения и обогащения.

Древние греки называли своих партикуляристов и провинциалистов «идиотами»: идиот (от *idios*) означает — частный, местный, отъединенный, в противоположность общему, универсальному, всемирному. И действительно, нужно сказать, что всякий партикуляризм, всякий эгоизм и индивидуализм отмечены известного рода духовно-нравственным идиотизмом. Поэтому те мнимые вожди народов, которые призывают их отречься от всяких универсалистических стремлений и заняться своим «здоровым» «национальным эгоизмом», подобны тем недалеким и опасным в своей доброте отцам семейств, которые оберегают своих детей от всяких увлечений «химерами» и спешат пристроить их к какому нибудь «настоящему» и «верному делу».

Народ является историческим народом лишь постольку, поскольку он выступает с известной сверхнациональной универсалистической миссией. И, наоборот, не-исторические народы тем и отличаются, что они не вносят ничего в Общее Дело всего рода человеческого. Быть народом с великой историей это значит быть народом много совершившим во благо Общего, много вложившим героизма в прометеевский подвиг Истории, подвиг преобразования мира. И если вкладом в Общее Дело всего рода человеческого, Дело Истории определяется степень историчности или не-историчности народа, то, следовательно, объединением народов в таком Общем Деле Истории, Деле преобразования мира осуществляется условие не умаления, а, наоборот, возвеличения их. Таким путем им дается то необходимое поприще возможного исторического призвания, осуществляется та историческая мобилизация в Абсолютном подвиге преобразования мира, подвиге Истории, которая только и может реализовать их силы в высшем предназначении. А такие силы — в тех или иных размерах — имеются у каждого народа; нужно лишь, чтоб они получили соответствующее им историческое применение.

Нация крепка лишь тогда, когда она живет великим, вечным, истинным, прекрасным. А все это — общечеловечно. Дух по самой природе своей универсалистичен; он не терпит никаких ограничений, никакой узости. Больше того, если материя есть деструктивное начало конечности и разъединения, то дух — сама субстанция творческого осуществления бесконечности и всеединства, субстанция Универсального. Поэтому воспринимая в себя все общечеловеческое содержание, нация не только не ослабляется этим, но наоборот, истинно утверждается. Если бы народ был лишен всего того, что по самой природе своей общечело-

вечно, т. е. истины, высшей справедливости, добра, он был бы обречен на самое жалкое, низменное и беспомощное прозябание. Довольствуясь ограниченным и ничтожным, он к ничтожеству и ограниченности и был бы предопределен, ибо бытие определяется содержанием своим.

Истина и добро по самой своей природе общезначимы и всеобщий, а значит, всечеловечны. Своя особая, национальная истина (как и национальное добро) такая же ложь, как и классовая истина или классовое понятие добра. Если бы у каждой нации была своя особая истина или свой особый критерий добра, то это значило бы, что не было бы совсем истины, не было бы совсем реальности добра. Понимать же истину, как и норма блага — одна, она, в качестве таковой, и все народы единит в своей единственности и в своем единстве. Национальной истины является лишь постольку, поскольку она в то же время служит и общечеловеческой истиной. В противном случае нужно говорить не о национальной истине, а о национальной лжи или о национальном извращении истины.

Народы, эти «*membra disjecta*», — «разбросанные члены» высшего универсалистического целого, не случайно борются не только друг с другом за более высокое и полное единство, но в исключительных случаях великих, исторически призванных народов, борются и с самими собой во имя торжества этого универсалистического целого, этого высшего единства, какое вообще возможно в отношениях между людьми. Ибо всякое иное единство человека с человеком, в частности, и национальное единство, — частично и ограничено. Лишь это единство, — единство всего рода человеческого — конечно и интегрально, и потому к нему, как к своему пределу, стремились всегда всякого рода объединения людей.

В частности, лишь понятие человечества ложит предел всякому эгоизму, и поэтому лишь оно — реальность безусловно моральная. Нация преодолевает эгоизм только относительно: ограничивая его в составляющих ее индивидах, она сама может явиться носителем его. Поэтому она лишь в относительной степени подлежит моральной квалификации. На пути от аморальности индивида, как такового (не личности), к безусловной моральности человечества она есть промежуточная ступень условной моральности: моральная, поскольку она преодолевает эгоизм индивида и аморальная, поскольку она эгоистически противопоставляет себя человечеству. Лишь поставление ею себя в отношении служения этому последнему делает и ее реальностью безусловно моральной.

Те же соотношения между данными категориями индивида, нации и человечества имеют место и в противопоставлении частного и Общего. Лишь человечество является безусловным носителем Общего, как только индивид служит выразителем безусловно частного. Нация же есть — Общее в отношении индивида и — частное в отношении человечества. Следовательно, и ее Общее, и ее частное — относительны. Она и в этом отношении — реальность промежуточная: универсалистическая в отношении безусловно частного и партикуляристическая в отношении безусловно Общего.

В сущности, безусловно онтологическими категориями являются лишь три реальности: Человек, Человечество и Абсолютное. Все остальные имеют или только служебно-относительное значение или лишены всякого значения. Также и нация есть реальность не без-

условно-онтологического порядка, а лишь функционально-исторического: ее значение не самодовлеющее, а исторически-служебное. В известном отношении народы, как и другие подобного рода общественно - культурные объединения и образования, суть лишь леса при Здании становящегося в Истории Абсолютного; и которые в этом своем значении будут сняты, когда История осуществит заданную в ней Абсолютную цель. В порядке осуществления основного универсалистического принципа всеединства, всю Историю можно рассматривать, как Об'единение, как осуществление единства, в пределе всеединства, единства всего со всем. И в этом процессе мирового об'единения нация есть лишь отдельный фрагмент, одна из ступеней об'единения, один из служебных органов его. Все эти определения ее, как части, как органа человечества, как фрагмента, как культурно-исторической ступени и т. п. дают с разных сторон приближения к ее сложному целостному существу. Но все они указывают на ее творчески-служебное, функционально-историческое значение и назначение в отношении человечества.

... Если История есть некая священная Драма Мирового Становления, Драма становления в ней Абсолютного, то народы в известном смысле суть коллективные действующие лица этой Драмы, но которые, в качестве таковых, сойдут со сцены, когда «игра» ее исполнится и завершится. Тогда в Апофеозе Истории преобразенное Человечество и преобразенный Человек, сбросив с себя все принадлежности и средства необходимые в Пути, предстанут пред лицом ставшего в Апофеозе Истории Абсолютного лишь в качестве того из их существа, что в них будет содержаться Абсолютного.

III. О ПРИЗВАНИИ РУССКОГО НАРОДА.

Итак, нация, в качестве органа человечества, культурно-исторического члена его, служит в нем и через него Истории и в ней Становящемуся Абсолюту, являясь собирательным действующим лицом Истории. И так как человечество есть по преимуществу историческая категория и осуществляется во времени, то и народы, как органы — части его, различаются между собою не только в порядке сосуществования, но прежде всего и главным образом в порядке исторической смены и преемственности. С ними, с их сменой и последовательным выступлением в авангарде Истории и человечества связана смена отдельных эпох и целых циклов культурно-исторического развития. То, что они суть только отдельные части — органы человечества, служащие в его составе Истории, не только не мешает, но скорее предполагает, что одни из них выполняют функции более важные и руководящие, а другие несут более второстепенные и обусловленные. Ведь это имеет место во всех сложных образованиях — например, в отдельном организме мозг играет не ту же роль, что прочие низшие органы.

При этом, чтоб такую выдающуюся роль в составе целого играть, отдельный народ не только не должен обособлять себя от него и противопоставлять себя другим частям его, но, наоборот, должен стремиться к наибольшему единству с этим целым и его элементами. Из этого явствует очевидная неувязка тех национально-исторических концепций (особенно расистского, у нас евразийского толка), которые, веря в особое призвание своего народа, приходят в своих выводах из этого к его обособлению и противопоставлению человечеству.

Такое инициативно-руководящее значение отдельных народов в смене исторических циклов и эпох развития не исключает, а лишь восполняется аналогичной сменой общественных групп, классов в том же развитии. Но народы, как уже указывалось выше, являются носителями исторических смен в более общем культурно-историческом аспекте развития, классы же — в более частном, социальном аспекте его. С именами новых народов связаны новые культуры и цивилизации, например: египетская, греко-римская, индусская, романо-германская и др.; с именами же новых классов соединены новые социальные порядки, например: феодализм, капитализм и др. В частности, христианство, с более общей культурно-исторической точки зрения было созданием, главным образом, еврейского народа; с более же частной, социальной точки зрения — главным образом тогдашних низших общественных слоев — бедных и рабов.

Эта синтетическая концепция касательно смены культурных и общественных форм развития и их носителей имеет крайне существенное и актуальное значение для нашего времени, когда в этом моменте образовалась острая и разрушительная антитеза — класс — в коммунизме и нация — в фашизме, — антитеза; крайне препятствующая назревшему возникновению новых и более высоких общественных и культурных форм жизни.

Выше уже было отмечено, что если в более частном социальном аспекте носителем новых, более высоких форм общества в наше время должна быть признана истинно демиургическая общественная группа современных Трудящихся, прежде всего трудящихся творческого — организаторского труда, как естественного отбора и руководящего состава их, то в более общем культурно-историческом плане развитием носителем новой более высокой культуры — мы верим — явится, по совокупности наличных культурно-исторических обстоятельств, Русский народ, этот элемент современного человечества, вобравший в себя всю динамику его наиболее дальнего назначения.

История сейчас не идет ни с Востока на Запад, как было в древности, ни с Запада на Восток, как было с началом Нового Времени, а вздымается из подземных недр — места столкновения этих двух миров, из недр до предела перенапряженной России. В данную эпоху Россия несомненно в своей великой трагедии в конденсированном виде воплощает весь мировой культурно-исторический кризис нашего времени. Но являясь средоточием всех глубочайших проявлений этого всемирно-исторического кризиса, кризиса всех старых общественных и культурных форм жизни, она, спасая себя, воистину спасет мир, преодолевая этот в ней конденсировавшийся универсальный кризис и, тем самым, создавая новые формы общества и культуры, ища новых, более высоких путей всемирно-исторического развития.

При этом, касаясь здесь только одной стороны проблемы о призвании русского народа, стороны связанной с настоящей нашей темой о новом человечестве, можно со всей категоричностью утверждать, что призванием этим будет не идея нации, как провозглашает фашизм, а идея человечества — нового человечества, отвечающего достигнутому безграничным творческим масштабам бытия и новой победной мироорганизующей воле Человека. И это следует не только из предельно универсалистического, подлинно планетарного характера новой наступающей эпохи, но также и из характера самого Русского народа, народа универсалистического по преимуществу. Следовательно, во всяком случае, в этом моменте, в проблеме назревшей необходимости единства всего рода челове-

ского и всемирного братства людей, в проблеме, которая в известном отношении является **значительнейшим моментом нашего времени**, Русский народ по своему национальному характеру, как сейчас увидим, в высшей степени конгеннален великому запросу времени. В современном мире Русский народ — самый универсалистический народ, которому в истории подобны лишь древние римляне, также стремившиеся к творческому отождествлению своего римского и всемирного. Недаром он явился создателем величайшей в мировой истории империи и мечтателем со дней колыбели своей о всеединящей вселенскости и всечеловечности. Крайняя универсалистическая природа нашего народа сказалась и обусловилась не только в политической, в частности, имперской его истории и не только в истории идеологической — от идеи «Россия — Третий Рим», через всю лучшую литературу и публицистику нашу, вплоть до современного советского интернационализма, — но также и в географически-культурном положении его, соединителя двух миров — Запада и Востока, двух крайностей и противоположностей мира.

Потому-то русский духовно — у себя на родине не только в любой стране и культуре Запада, но также и Востока. А это, собственно, значит, что он, на родине — везде. «Я во Франции — француз, — говорит словами своего героя Достоевский о русской вселенскости — с немцами — немец, с древним греком — грек и, тем самым, наиболее русский, тем самым, я — настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную миссию». «Русский народ, это не народ: это человечество», говорит другой наш выдающийся писатель — мыслитель.

«Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый гальский смысл,
И сумрачный германский гений» (Блок).

Такая способность к универсальной перевоплощаемости и к всепониманию, свидетельствуют о глубоко универсалистической природе нашего национального гения. Русский это **всечеловк**. Всякий подлинно русский — гражданин одновременно России и мира; при том, не в смысле раздвоенности, а в смысле истинного единства: мы в самом существе своем постигаем и несем Синтез национального и универсального.

Каждый народ обретает свое национальное самосознание прежде, чем общечеловеческое, если он вообще способен подняться до этого последнего. Русский народ производит такое впечатление, что он общечеловеческое сознание обрел прежде, чем национальное. Ибо, можно сказать, что **универсализм есть сущность русского национализма**. И в этом его высокое и духовно знаменательное преимущество: он как бы в самом себе несет свое высшее творческое преодоление. Так отдельная личность, если ей присуща высшая духовно-нравственная значительность, полагает свое истинное утверждение в том, что является в то же время ее преодолением, преодолением ее индивидуалистической ограниченности. Подобно тому, как личный эгоизм есть удел ничтожеств, — признак ограниченных и мелких душ, так и национальный партикуляризм есть особенность малых, посредственных народов. Великие народы всегда — в той или иной мере — универсалистичны. Потому то и истинно великий Русский народ есть народ универсалистический по преимуществу. А на его вселенскости, всечеловечности, всемирности сходились все его характеристики — как друзей, так даже и врагов. К высокой чести нашего народа нуж-

Но сказать, что ни один другой народ не принес столько дум, жертв и идеалистических усилий на алтарь всего человечества, на алтарь Общего, сколько принес он на протяжении своей истории. Мы можем быть, даже слишком часто болели чужой судьбой, больше, чем своей, волновались интересами Дальнего больше, чем ближайшего. Мы не на мир смотрели из окна своего дома, а слишком часто в свой дом лишь заглядывали через окно из мира. Большинство наших трагедий, как и последняя, ныне переживаемая, были трагедиями идеализма. Они были проявлением и расплатой за наше самоотверженное предпочтение Общего — своему, за наше универсалистическое самозабвение, в котором мы, не всегда достигая Многого, всегда были готовы отдать за него все.

Но зато ведь именно в этом трагизм всякого проявления величия на земле, которое, чтоб себя реализовать, должно для этого отказаться от себя. Тем самым, мы вправе сказать, что и весь трагизм нашего народа это трагизм величия его, — высокий трагизм частного, поставившего себя на службу Общему.

П. Боранецкий.